

18+

Максим Дмитриевич
Сиротин

Идеология Максимизма

Максим Сиротин

Идеология Максимизма

«Издательские решения»

Сиротин М. Д.

Идеология Максимизма / М. Д. Сиротин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Три великие идеологии современности — либерализм, социализм и консерватизм — мертвы. Они не способны ответить на вызовы XXI века. Эта книга — диагноз и рецепт. Как отличить свободный выбор от патологии? Почему государство должно быть инфраструктурой, а не нянькой? Как соединить безжалостный рынок с честным стартом? И почему выход в космос — не мечта, а императив выживания? Это не утопия. Это проект. Рабочий, реализуемый и начинающийся с вас.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ: ОТ ФИЛОСОФИИ К ОБЩЕСТВУ	6
ГЛАВА 1. СВОБОДА КАК ОСОЗНАННАЯ ВОЛЯ, А НЕ КАК ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ	10
Формулировка принципа	10
Философское обоснование	10
Как этот принцип работает в обществе	11
Практический вывод	13
ГЛАВА 2. ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА — ЕДИНСТВЕННЫЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ЗАКОНОВ И МОРАЛИ	15
Формулировка принципа	15
Философское обоснование	15
Как этот принцип работает в обществе	16
Законотворчество на основе данных	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Идеология Максимизма

Максим Дмитриевич Сиротин

© Максим Дмитриевич Сиротин, 2026

ISBN 978-5-0070-7634-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ: ОТ ФИЛОСОФИИ К ОБЩЕСТВУ

«В вопросах стиля плыви по течению; в вопросах принципа стой твёрдо, как скала».

— Томас Джефферсон

Человечество стоит на пороге самого серьёзного выбора в своей истории. Не между политическими партиями. Не между экономическими моделями. Не между Востоком и Западом. Выбор идёт о самом способе нашего существования как вида: останемся ли мы племенем приматов, грызущимся за ресурсы на умирающей планете, или станем тем, кем нас задумала эволюция — космической цивилизацией разумных творцов.

Максимизм как философская доктрина уже дал ответ на вопрос «почему». Почему человек свободен. Почему истина объективна. Почему иерархия неизбежна и справедлива. Почему космос зовёт. Теперь пришло время ответить на вопрос «как». Как должно быть устроено общество, чтобы эти принципы не остались строчками в манифесте, а стали работающей реальностью — такой же осязаемой, как дороги под колёсами, как ток в проводах, как ракета на стартовом столе.

Эта книга — мост. Мост между глубинной метафизикой и практической политикой. Между прозрениями о природе человека и конкретными институтами, которые эту природу не подавляют, а возвышают. Между мечтой о звёздах и бюджетной строкой на космическую программу. Если

«Манифест свободной воли и разумной иерархии» был компасом, то эта книга — чертёж корабля, который поплывёт по этому компасу.

Диагноз эпохи: три мертвеца у руля

Мы живём в эпоху тотального разочарования в идеологиях. Не потому, что люди перестали хотеть лучшего мира — они хотят его как никогда остро. А потому, что ни одна из трёх великих идеологических систем современности не способна этот мир построить. Все три мертвы — просто не все это заметили.

Либерализм обещал свободу. Он дал западному миру беспрецедентное материальное процветание, правовое государство и личные свободы. Но он же выродился в культ потребления, в беззубую толерантность ко всему — включая собственную гибель, в бесконечное расширение прав без обязанностей, в отрицание любых иерархий, вплоть до иерархии компетенций. Либерализм не умеет отвечать на вопрос «зачем» — только на вопрос «почему бы и нет». Он дал человеку права потребителя, но отнял у него достоинство творца.

Социализм обещал справедливость. Он говорил о равенстве, о защите слабых, о том, что трудящийся должен получать плоды своего труда. Но в реальности он построил концлагеря, очереди за хлебом и номенклатурную привилегированную касту. Социализм не знает, откуда берётся богатство, — он умеет только отнимать и делить. Его представление о справедливости — это зависть, возведённая в ранг добродетели.

Консерватизм обещал стабильность. Он хранил традиции, семью, веру, национальную идентичность. Но он же превратился в скопище рессентиментных догм, не способных выдержать проверку фактами. Консерватизм цепляется за прошлое не потому, что оно лучше, а потому, что боится будущего. Он предлагает человеку оставаться ребёнком, который держится за юбку матери-традиции и не смеет мыслить самостоятельно.

Все три идеологии сходятся в одном: они смотрят на человека как на существо, которое нужно либо освободить от ответственности, либо опекать, либо подчинить. Ни одна не говорит человеку правду: ты свободен, но твоя свобода — это бремя, и нести его можешь только ты сам.

Максимизм: четвёртый путь

Максимизм — это не компромисс между либерализмом, социализмом и консерватизмом. Это их отрицание и преодоление. Мы не пытаемся усидеть на трёх стульях — мы строим новый дом.

От либерализма мы берём принцип личной свободы, но наполняем его содержанием: свобода — это не вседозволенность, а способность к осознанному выбору, опирающемуся на здравый разум и полную информацию. От социализма мы берём заботу о тех, кто действительно не может о себе позаботиться, но отбрасываем культ равенства результатов и ненависть к успешным. От консерватизма мы берём уважение к тому, что доказало свою ценность временем, но отвергаем слепое следование догмам только потому, что они старые.

В результате получается не гибрид, а новая сущность. Общество, в котором каждый получает честный старт и дальше сам отвечает за свою траекторию. Общество, в котором иерархия существует, но она открыта для таланта и безжалостна к бездарности, независимо от происхождения. Общество, в котором законы пишутся не под диктовку лоббистов или священных текстов, а на основе объективных данных. Общество, которое смотрит не в прошлое с тоской, а в будущее с расчётом.

Это не утопия. Максимизм не обещает рая на земле. Он не сулит счастья всем и каждому. Он обещает другое: **честную игру**. Правила известны заранее, они одинаковы для всех, и они не меняются в угоду сиюминутным настроениям толпы или амбициям элит.

Почему именно сейчас

Есть особая причина, по которой Максимизм должен быть сформулирован именно в нашу эпоху. Человечество впервые в истории столкнулось с задачами, которые не решаются ни рынком в одиночку, ни государственным планированием, ни национальными правительствами.

Изменение климата не знает границ. Пандемии не спрашивают паспортов. Астероидная опасность не различает флагов. Истощение ресурсов касается всех. И главное: выход в космос — единственная страховка от вымирания вида — требует координации такого масштаба, какой не снился ни одной империи прошлого.

Старые идеологии не справляются с этими вызовами. Либерализм оставляет всё на откуп рынку и надеется, что как-нибудь само рассосётся. Социализм пытается всё регулировать и плодит бюрократическую неповоротливость. Консерватизм предлагает молиться и не высываться. Нужен новый подход — одновременно более масштабный и более гибкий.

Максимизм предлагает этот подход. Он не отдаёт всё рынку и не замыкает всё на государстве. Он говорит: есть вещи, которые должно делать человечество как единый вид, — и космическая экспансия первая среди них. Но внутри этой рамки каждый человек, каждый коллектив, каждая корпорация должны иметь максимум свободы для манёвра. Единство в большом, конкуренция в малом. Космический горизонт как общая цель, и личная ответственность как повседневный метод.

Как устроена эта книга

Десять глав этой книги соответствуют десяти принципам идеологии Максимизма. Каждая глава — это не абстрактное рассуждение, а развёрнутый ответ на конкретный вопрос.

Глава 1 — о свободе. Как отличить свободный выбор от патологии? Почему принудительное лечение может быть актом освобождения? Где граница между автономией личности и вмешательством общества?

Глава 2 — об истине. Почему законы должны опираться на науку, а не на мифы? Что не так с релятивизмом постмодерна? Почему религия и патриотизм — это частное дело, а не основа политики?

Глава 3 — о рынке. Почему конкуренция справедлива? Как соединить безжалостный отбор с честным стартом? Почему лень не должна субсидироваться?

Глава 4 — о меритократии. Как построить элиту, которая состоит из лучших, а не из детей лучших? Как обложить налогом неподтверждённое наследство? Почему аристократия духа должна быть открытой?

Глава 5 — о космополитизме. Почему нация — это переходный этап, а не конечная ценность? Как устроить мир без войн за территории? Что значит быть гражданином Земли?

Глава 6 — об империализме разума. Как расширять влияние без военных захватов? Когда вмешательство оправдано? Как бороться с мракобесием, не становясь новым колонизатором?

Глава 7 — о саморазрушении. Почему право на добровольный уход есть высшая форма свободы? Какие условия должны быть соблюдены? Чем отличается подвиг от патологии?

Глава 8 — о смерти и теле. Почему кладбища нерациональны? Как превратить останки в ресурс для жизни? Что достойнее — гнить в гробу или стать почвой для парка?

Глава 9 — о государстве. Почему государство должно быть инфраструктурой, а не нянькой? Какие функции ему оставить, а какие — отобрать? Как перестроить тюрьмы в центры когнитивной реабилитации?

Глава 10 — о космосе. Почему выход за пределы Земли — не мечта, а императив? Как финансировать экспансию? Как управлять колониями, чтобы они не стали новыми колониями в старом смысле?

Каждая глава завершается не просто выводом, а практическим резюме: что этот принцип означает для гражданина, для элиты, для государства.

Потому что идеология, которая не переводится в действие, — это литература, а не политика.

К кому мы обращаемся

Эта книга написана для тех, кто устал. Устал от популизма, который обещает всё и не делает ничего. Устал от политиков, которые торгуют страхами и иллюзиями. Устал от интеллектуалов, которые объясняют, почему ничего нельзя изменить. Устал от уравниловки, которая тянет вниз, и от олигархии, которая запирает социальные лифты.

Эта книга — для инженера, который знает, что мост либо стоит, либо падает, независимо от того, под чьим флагом его строили. Для врача, который каждый день видит разницу между здоровым телом и больным и не понимает, почему к обществу нельзя применить ту же логику. Для предпринимателя, который создал что-то из ничего и знает цену труду. Для студента, который чувствует в себе силы, но не видит лестницы наверх. Для солдата, который готов умирать за общее дело, но не хочет, чтобы его смерть была напрасной из-за глупости политиков.

Мы обращаемся к тем, кто готов мыслить и действовать. Кто не ищет виноватых, а ищет решения. Кто понимает, что свобода — это не подарок, а задача. Таким людям не нужны сказки. Им нужны инструменты. Эта книга даёт инструменты.

Что дальше

Текст, который вы держите перед собой, не является догмой. Максимизм — не религия, у него нет священных текстов, которые нельзя подвергать сомнению. Если вы найдёте в этих страницах ошибку — укажите на неё. Если вы придумаете лучшее решение — предложите его. Единственное, чего Максимизм требует от своих сторонников, — это честность перед фактами и готовность менять мнение перед лицом новых данных.

Но есть вещи, которые не подлежат пересмотру, потому что они выведены не из чьих-то желаний, а из самой реальности. Свобода человека. Объективность истины. Справедливость заслуженного вознаграждения. Единство вида. Императив космической экспансии. Это — фундамент. Если вы не принимаете этот фундамент, дальнейшее чтение будет для вас бессмысленным. Если принимаете — добро пожаловать в мир, где политика наконец-то становится взрослой.

Начнём. Глава первая: о свободе — самой непонятой и самой важной категории человеческого бытия.

ГЛАВА 1. СВОБОДА КАК ОСОЗНАННАЯ ВОЛЯ, А НЕ КАК ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ

«Свобода ничего не стоит, если она не включает в себя свободу ошибаться».

— Махатма Ганди

«Границы моей свободы — это границы моего разума».

— Неизвестный автор

Формулировка принципа

Первый и основополагающий принцип Максимизма в его социально-политическом измерении звучит так:

Общество признаёт абсолютную свободу выбора только за дееспособными и психически здоровыми людьми. Свобода есть функция от способности разума к адекватному тестированию реальности. Патологии, искажающие волю — психозы, зависимости, тяжёлые неврозы, — подлежат принудительному лечению до восстановления способности к свободному выбору. Это не ограничение свободы, а её восстановление.

Этот принцип радикально отличается от всего, что предлагают традиционные идеологии.

Либерализм говорит: «Каждый человек свободен, и никто не вправе вмешиваться в его выбор, даже если этот выбор разрушает его самого». Это позиция, которая звучит благородно, пока не столкнёшься с реальностью. Реальность же такова: человек в остром психозе, человек в глубокой депрессии, человек в химической зависимости — он не «выбирает». Он является заложником сломанного биологического механизма. Принимать его действия за проявление свободы — значит путать штормовой ветер с осознанным курсом корабля.

Консерватизм, напротив, склонен ограничивать свободу во имя традиции и порядка, причём часто без объективных на то оснований. «Нельзя, потому что так не принято» — это не защита человека от его патологии, а защита общества от неудобных новаций. Такой подход душит не болезнь, а здоровое развитие.

Максимизм прокладывает третий путь. Мы не говорим «свобода любой ценой». Мы не говорим «свобода только для послушных». Мы говорим: **свобода — это инструмент, который требует исправного оператора**. Если оператор сломан, мы не выбрасываем инструмент и не объявляем его опасным — мы чиним оператора.

Философское обоснование

В философской доктрине Максимизма (главы 1 и 2 «Манифеста свободной воли и разумной иерархии») было установлено:

Человек есть первопричина самого себя. Он не продукт среды, не марионетка генов, не жертва обстоятельств. Его воля первична, и именно она определяет траекторию его жизни. Однако эта воля не висит в вакууме. Она реализуется через биологический аппарат — мозг, нейромедиаторы, когнитивные функции. Если этот аппарат повреждён, воля не исчезает, но искажается до неузнаваемости.

Представьте пилота в кабине самолёта. Пока приборы исправны, пилот свободен в выборе курса. Он может лететь на север или на юг, набирать высоту или снижаться. Но если навигационная система выходит из строя и показывает ложные координаты, пилот перестаёт быть свободным. Он может думать, что управляет самолётом, но на самом деле его действия ведут к катастрофе. Вмешательство диспетчера, который принудительно корректирует курс, — это не ограничение свободы пилота, а восстановление его реальной способности к управлению.

Точно так же работает Когнитивный Аудит в Максимизме. Это не полиция мысли. Это диспетчерская служба разума.

Различие между здоровой волей и патологической псевдо-волей было разработано нами через спектральную модель. На одном полюсе — полная ясность ума и способность к ответственному выбору. На другом — грубые психотические расстройства, где выбор очевидно продиктован галлюцинациями или бредом. Между ними — обширная серая зона: депрессии, зависимости, неврозы навязчивости. Здесь рассудок формально сохранён, но центр принятия решений захвачен патологическими паттернами. Человек говорит «я выбираю», но его нейробиология уже сделала выбор за него.

Идеологический вывод из этой философии: общество не имеет права ни игнорировать патологию, ни наказывать за неё. Оно обязано лечить. Лечение здесь — не кара, а акт освобождения.

Как этот принцип работает в обществе

Перевод философии в социальную практику требует ответа на пять ключевых вопросов. Кто принимает решение о вмешательстве? Что служит триггером? Какова процедура? Где гарантии от злоупотреблений? И что происходит с человеком после?

Кто принимает решение?

Решения об ограничении свободы в связи с психической патологией не могут быть отданы на откуп ни одному человеку, ни одной государственной инстанции. Слишком велик соблазн использовать диагностику как инструмент политического подавления. Карательная психиатрия XX века — от нацистской Германии до Советского Союза — показала, как легко объявить диссидента «шизофреником» и упрятать в лечебницу. Максимизм должен встроить защиту от этого сценария на уровне процедуры.

Поэтому вводится институт **Когнитивного Аудита** — независимой мультидисциплинарной комиссии, включающей клинических психологов, психиатров, нейробиологов, судебных экспертов и представителей гражданского общества (правозащитников). Комиссия действует коллегиально, её заседания открыты для наблюдателей, её решения могут быть обжалованы в суде. Ни одно заключение о принудительном лечении не выносится единолично.

Ключевой принцип: члены Комиссии не являются государственными служащими. Они аккредитованы профессиональными ассоциациями и работают по контракту. Их финансирование не зависит от исхода дела. Их репутация — единственный капитал.

Что служит триггером?

Здесь Максимизм проводит важное различие между внутренним состоянием и внешним поведением. Никто не имеет права вторгаться в сознание человека, пока это сознание не проявляет себя в действиях, угрожающих жизни, здоровью или базовому социальному функционированию.

Триггеры вмешательства делятся на две категории.

Первая — **угрожающее поведение**. Прямая угроза жизни: попытка самоубийства, нападение на других, действия, создающие риск массовой гибели. Сюда же относятся угрозы, высказанные явно и подкреплённые признаками подготовки.

Вторая — **систематическая социальная дезадаптация**. Человек перестаёт поддерживать минимальный уровень функционирования: отказывается от еды, не следит за гигиеной до угрожающей степени, утрачивает способность к связной коммуникации, демонстрирует очевидные признаки психотического распада в публичном пространстве.

Важнейшее уточнение, которое мы дали в диалоге при разработке доктрины: **презумпции «тихого безумия» в Максимизме нет**. Если человек страдает, но его страдание заперто в четырёх стенах, если он не угрожает другим и не демонстрирует публичного распада, — общество может предложить помощь, но не вправе её навязывать. Однако как только распад выходит наружу — включается механизм Аудита.

Какова процедура?

Процедура Когнитивного Аудита состоит из нескольких этапов.

Этап первый: сигнал. Поступило сообщение — от родственников, от соседей, от полиции, от социальных служб, от самого человека. Сигнал регистрируется и проверяется на предмет явной ложности (злонамеренный донос карается как уголовное преступление).

Этап второй: предварительная оценка. Бригада, состоящая из психолога и социального работника, посещает человека, проводит скрининговое интервью. Если признаки патологии не выявлены — дело закрывается. Если выявлены — предлагается добровольное лечение.

Этап третий: добровольный этап. Человеку объясняют ситуацию, предлагают помощь — терапию, медикаменты, реабилитационные программы. На этом этапе большинство случаев и должно разрешаться. Принуждение не требуется, если человек осознаёт проблему и согласен сотрудничать.

Этап четвёртый: Комиссия. Если человек отказывается от лечения, но его состояние представляет угрозу, собирается полная Комиссия по Когнитивному Аудиту. Она изучает историю, проводит тестирование, опрашивает свидетелей. Решение выносится большинством голосов, с особым мнением меньшинства, заносимым в протокол.

Этап пятый: лечение. В случае положительного решения человек направляется на лечение — не в тюремную психиатрию прошлого, а в современный реабилитационный центр. Цель — не изоляция, а восстановление. Каждые три месяца — пересмотр статуса. Как только способность к осознанному выбору восстановлена, человек возвращается в общество.

Где гарантии от злоупотреблений?

Главная гарантия — **критерий тестирования реальности**, а не

«социальной желательности». Комиссия не спрашивает, согласен ли человек с политикой правительства, чтит ли он флаг, верит ли в правильных богов. Она спрашивает: может ли он отличить реальность от галлюцинации? Может ли он выстроить логическую цепочку от желания к действию и оценить последствия? Способен ли он к базовому самоконтролю?

Диссидент, пишущий антиправительственный манифест, — здоров, если его мышление логично, восприятие реальности не искажено, а действия осознанны. Психотик, утверждающий, что ему вживили чип инопланетяне и требующий трепанации черепа для его извлечения, — болен, даже если он полностью лоялен власти. Граница проходит по процессу мышления, а не по его политическому содержанию.

Дополнительные гарантии: открытость заседаний, право на адвоката, право на второе медицинское мнение, регулярный публичный аудит самой системы Когнитивного Аудита, уголовная ответственность за заведомо ложное диагностирование.

Примеры Пример первый: художник и депрессия.

Представьте талантливого художника. Он переживает тяжёлый творческий кризис, который перерастает в клиническую депрессию. Он перестаёт выходить из дома, отказывается от еды, говорит друзьям, что жизнь потеряла смысл. Друзья вызывают службу Когнитивного Аудита.

Бригада проводит скрининг. Диагноз: тяжёлое депрессивное расстройство. Художнику предлагают добровольное лечение — терапию, антидепрессанты, арт-терапию. Он соглашается. Через три месяца он возвращается к творчеству. Его свобода не была отнята — она была возвращена. Без вмешательства он бы погиб. С вмешательством — он жив и продуктивен.

Пример второй: сектантский лидер.

Лидер деструктивного культа утверждает, что конец света наступит через месяц, и призывает последователей продать имущество и совершить массовое самоубийство. Его разум не повреждён в клиническом смысле — он не галлюцинирует, он логичен в рамках своей бредовой предпосылки. Но эта предпосылка является «идеей-вирусом» — ложной системой убеждений, ведущей к гибели людей.

Когнитивный Аудит в этом случае работает не с лидером (он формально здоров, хотя его этика преступна), а с угрозой. Превентивно изолируются потенциальные жертвы, им предоставляется психологическая помощь и информация. Лидер привлекается к уголовной ответственности за подстрекательство к массовому убийству. Это не психиатрическое вмешательство, а правовое — защита жизни от преступных действий.

Пример третий: хронический алкоголик.

Человек потерял работу, семью, жильё из-за алкоголя. Он живёт на улице, питается отбросами, регулярно попадает в вытрезвитель. Ему предлагали лечение десятки раз — он отказывался, утверждая, что «это его выбор».

По логике Максимизма, его «выбор» не является свободным. Алкогольная зависимость — это химический захват центра удовольствия, при котором способность к долгосрочному планированию и самоконтролю разрушена. Когнитивный Аудит диагностирует зависимость как патологию, искажающую волю, и назначает принудительное лечение — детоксикацию, реабилитацию, трудотерапию. Цель — не наказать за пьянство, а вернуть человеку способность выбирать.

Если после лечения он снова начинает пить — цикл повторяется. Количество шансов определяется клиническим прогнозом: пока есть надежда на восстановление, общество продолжает лечить. Если наступает необратимая деградация — человек переводится в категорию «не могущих» и получает пожизненное содержание в специализированном учреждении, но уже не как узник, а как пациент с хроническим заболеванием.

Практический вывод

Для гражданина:

Твоя свобода — это не данность, а задача. Ты должен заботиться о своём психическом здоровье так же, как о физическом. Регулярный чекап ментального статуса должен стать такой же нормой, как визит к стоматологу. Если ты чувствуешь, что теряешь контроль, — обратись за помощью сам, пока это не сделали за тебя. Самостоятельное обращение не влечёт никаких ограничений, кроме тех, что ты примешь добровольно.

Для элиты:

Доступ к рычагам власти, к большим деньгам, к сложным технологиям должен быть обусловлен стабильным психическим здоровьем. Пилот перед рейсом проходит медосмотр. Чиновник перед назначением, банкир перед управлением активами, генерал перед командованием — должны проходить Когнитивный Аудит. Не как унижение, а как гигиену. Психопат у руля корпорации или государства — это оружие массового поражения.

Для государства:

Ты не имеешь права судить за мысли. Но ты обязано защищать граждан от последствий больного разума — как самого носителя, так и окружающих. Вложи ресурсы в систему Когнитивного Аудита, в реабилитационные центры, в подготовку специалистов. Сделай психиатрию престижной и хорошо оплачиваемой отраслью. И помни: каждый пролеченный гражданин — это спасённая жизнь и возвращённый в экономику ум. Каждый незамеченный — потенциальная трагедия.

Резюме:

Свобода не тождественна хаосу. Это упорядоченная сила, требующая исправного разума как носителя. Общество, которое путает патологический бред с проявлением воли, потворствует не свободе, а болезни. Общество, которое лечит больной разум, — не тирания, а санитар духа. Ты свободен настолько, насколько здоров твой мозг. Всё остальное — иллюзия свободы, которая рушится при первом столкновении с реальностью.

ГЛАВА 2. ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА — ЕДИНСТВЕННЫЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ЗАКОНОВ И МОРАЛИ

«Истина существует, и заблуждение имеет свои пределы».
— Аристотель, «Метафизика»

«Знание — сила».
— Фрэнсис Бэкон, «Новый Органон»

Формулировка принципа

Второй принцип Максимизма в его социально-политическом измерении звучит так:

Законы, экономика, образование и моральные нормы общества должны строиться исключительно на объективных, научно подтверждённых фактах. Религиозные догмы, патриотические мифы, идеологические конструкты — если они противоречат эмпирическим данным — объявляются художественным вымыслом и не имеют силы в политике, праве и государственном управлении. Истина едина, познаваема и не зависит от чьих-либо желаний.

Этот принцип ставит Максимизм в прямую оппозицию к двум доминирующим тенденциям современности: догматизму и релятивизму.

Догматизм — будь то религиозный фундаментализм, националистическая мифология или коммунистическая ортодоксия — утверждает, что истина уже дана в некоем священном тексте или учении, и проверять её опытом не только не нужно, но и греховно. Такой подход неизбежно ведёт к конфликту с реальностью. Реальность не подчиняется догмам; она их ломает.

Релятивизм, напротив, утверждает, что никакой объективной истины нет вовсе, что «у каждого своя правда», а наука — лишь один из многих «нарративов», равноправный с мифом, искусством или политической пропагандой. Это интеллектуальное самоубийство, замаскированное под широту взглядов.

Максимизм выбирает третий путь — путь **научного объективизма**. Истина существует. Она не зависит от нашего согласия. И она познаваема — через наблюдение, эксперимент, логику и фальсификацию.

Философское обоснование

В «Манифесте свободной воли и разумной иерархии» (Глава 3) мы установили: реальность первична, сознание вторично. Вселенная существовала миллиарды лет до появления первого наблюдателя, и её законы не изменились с тех пор. Гравитация действовала на динозавров точно так же, как действует на нас. Фотосинтез работал в каменноугольном периоде точно так же, как работает сейчас. Это не «наше мнение». Это наблюдаемый факт.

Научный метод, который Максимизм провозглашает единственным законным арбитром истины, основан на трёх столпах: эмпирика, логика, фальсифицируемость. Эмпирика требует, чтобы любое утверждение о мире проверялось опытом. Логика требует отсутствия внутренних противоречий. Фальсифицируемость требует, чтобы теория в принципе могла быть опровергнута экспериментом — иначе это не наука, а метафизика или поэзия.

Из этого следует фундаментальный для идеологии вывод: **мораль и право не даны свыше и не являются произвольными «социальными конструктами»**. Они должны

быть выведены из объективных требований выживания и процветания вида. Есть действия, которые объективно способствуют процветанию, — сотрудничество, честность, накопление знания. Есть действия, которые объективно ведут к деградации, — насилие как система, обман как норма, подавление мысли. История служит гигантской лабораторией, в которой разные моральные системы испытывались веками. Мы можем анализировать их результаты эмпирически и делать обоснованные выводы.

Как этот принцип работает в обществе

Перевод философии истины в социальную практику требует реформы трёх ключевых сфер: законотворчества, образования и публичного дискурса.

Законотворчество на основе данных

В традиционных обществах законы создавались одним из трёх способов: по обычаю («так делали предки»), по откровению («так сказано в Писании») или по воле правителя («так я хочу»). Ни один из этих способов не гарантирует соответствия закона реальности.

Максимизм предлагает четвёртый способ: **законы должны разрабатываться на основе лучших доступных научных данных и проверяться на эффективность так же, как проверяются медицинские препараты.**

Это означает, что перед принятием любого значимого закона должно проводиться что-то вроде клинических испытаний. Пилотные проекты в ограниченном масштабе. Контрольные группы. Сбор данных. Статистический анализ. Если закон в пилотном режиме показал свою эффективность — он масштабируется. Если нет — отбрасывается, независимо от того, насколько он нравился лоббистам или электорату.

Пример: прежде чем вводить всеобщий базовый доход на всю страну, проведите эксперимент в трёх регионах с разной экономической структурой, соберите данные за пять лет, сравните с контрольными регионами — и только потом принимайте решение. Не на основе идеологических симпатий, а на основе цифр.

Образование: тренировка ума, а не трансляция мифов

Школа в Максимизме — это не фабрика лояльных граждан. Это центр когнитивной подготовки, где человека учат главному: отличать факт от мнения, проверять информацию, пользоваться научным методом.

Уроки истории перестают быть рассказом о «великих предках» и становятся анализом причинно-следственных связей: почему рухнула Римская империя, какие экономические факторы привели к Первой мировой, как работала социальная динамика в разных цивилизациях. Никакого национального чванства, никакого лакирования прошлого.

Уроки литературы перестают быть исключительно национальным каноном. Да, Пушкин и Толстой велики. Но велик и Шекспир, и Данте, и Сервантес, и Мурасаки. Мировая культура — общее достояние, и ребёнок должен вырасти с пониманием этого.

Уроки биологии не могут быть заменены «теорией разумного замысла» ни под каким предлогом. Если родители хотят учить детей креационизму — пусть делают это дома, в частном порядке. Государственная школа учит фактам.

Публичный дискурс: война с ложью

Свобода слова в Максимизме священна — но она не равна праву на дезинформацию. Есть разница между мнением («мне не нравится этот политик») и ложью («этот политик —

рептилоид с планеты Нибиру»). Первое защищено. Второе подлежит маркировке, а в случае систематического и злонамеренного распространения — преследованию.

Максимизм учреждает институт **Научного Арбитража** — независимого органа, который не диктует, что думать, но удостоверяет, что является фактом, а что нет. Этот орган не имеет права запрещать высказывания, но его заключения используются судами, СМИ и образовательными учреждениями как эталон.

Если политик в телеэфире заявляет, что вакцины вызывают аутизм, — Научный Арбитраж выпускает заключение: «Данное утверждение противоречит всем имеющимся научным данным». Если политик продолжает его повторять — он теряет доступ к государственным медиа, его партия штрафуется, а в случае катастрофических последствий (вспышка болезни из-за отказа от вакцинации) он несёт уголовную ответственность.

Примеры Пример первый: сухой закон в США.

В 1920 году в США вступила в силу 18-я поправка, запрещающая производство и продажу алкоголя. Запрет был продиктован благородными мотивами: считалось, что алкоголь разрушает семьи, снижает производительность, ведёт к преступности. Но реальность оказалась иной. Потребление алкоголя не исчезло — оно ушло в тень. Возник чёрный рынок, контролируемый мафией. Качество подпольного алкоголя было ужасным, тысячи людей травились. Государство потеряло налоговые поступления, а затраты на полицию выросли. В 1933 году поправку отменили — потому что реальность оказалась сильнее благих намерений.

Это классический пример закона, принятого без проверки фактами. Если бы перед введением сухого закона провели пилотный эксперимент в одном штате, данные быстро показали бы его неэффективность. Но политики предпочли послушать моралистов, а не экономистов и криминологов.

Пример второй: теократия в Иране.

Иранская революция 1979 года привела к власти религиозных лидеров, которые построили государство на основе шиитского ислама. Законы были приведены в соответствие с шариатом. Образование поставлено под контроль духовенства. Наука, особенно гуманитарная и биологическая, была ограничена религиозными рамками.

Результат за четыре десятилетия: экономическая стагнация, утечка мозгов, технологическое отставание, подавление инакомыслия, международная изоляция. Иран не стал процветающим обществом — он стал обществом, в котором официальная догма душит развитие. Это наглядная иллюстрация того, что бывает, когда законы пишутся по откровению, а не по данным.

Пример третий: легализация марихуаны в Португалии.

В 2001 году Португалия декриминализовала употребление всех наркотиков, включая героин и кокаин. Это было сделано не из либертарианских убеждений, а на основе данных: исследования показывали, что уголовное преследование наркоманов не снижает уровень потребления, но зато переполняет тюрьмы и разрушает жизни. Вместо тюрем Португалия вложилась в реабилитацию, терапию, социальную реинтеграцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.